

болтуном, в котором уже простыл всякий жар. А ведь писалось как будто с увлечением».¹¹

Есть что-то двойственное в позиции Страхова: газетная работа одновременно мучительна, отвратительна и привлекательна. Испытывает удовольствие от этой литературной деятельности, радуется тому, что она получает признание, одобрение — пусть и не в широкой публике: «Статьи мои в *Гражданине* имеют большой успех, но как всегда — не в публике, а в литературе, которая хвалит их на словах, а в печати, разумеется, только ругает».¹² Так пишет Страхов Толстому, отношение которого к газетам ему хорошо известно. Мнение Толстого о газетах, критике и критиках оставалось неизменным, и он неустанно доводил его до сведения Страхова, сокрушаясь по поводу участия того в «Гражданине»: «Жалко, ужасно жалко, что вы опять пишете в газеты. Что делать! — видно Бог по-своему делает, и никак не догадаешься зачем».¹³ Потому-то Страхов и оправдывает свои газетные хлопоты особенными отношениями с Достоевским, потому-то и радуется (за себя и за него) скорому уходу Достоевского с поста редактора еженедельника: «Достоевский видит во мне старого уже товарища по литературе, очень любит мои статьи, и считал бы просто *изменою*, если бы я не участвовал в журнале, на который он кладет всю душу — совершенно понапрасну. Я и лавирую — от времени до времени пишу и стараюсь сделать что можно, — подыскиваю сотрудников, смотрю рукописи и пр. (...) к новому году, я надеюсь, я буду уже вполне свободен (...) и с *Гражданином*, когда обнаружится состояние подписки, можно совершенно раскланяться, т. е. объявить, что на будущий год дам только две-три статейки. Достоевский едва ли останется редактором; он очень болен, раздражен, и доктора его шлют в Италию».¹⁴

В то же время Страхов привязался к «Гражданину»; жалеет, что с уходом Достоевского еженедельник сильно проиграет: «Жалко, что *Гражданин* портится. Достоевский отказался от редакторства и, кажется, вся газета обратится в орган *петербургских духовных споров*». Литературная работа увлекла Страхова; слегка задевая Толстого, он в шутливом тоне пишет, что «по настоянию Достоевского, убеждавшего меня писать *критику*... читал современные романы» («открою Вам самое позорное из своих занятий»); он чувствует неодолимое влечение к газетно-журнальной деятельности: «Кстати о критике. Что же мне делать, Лев Николаевич, когда меня к ней тянет? А я понимаю, что успех может иметь только положительное, только *проповедь* или искусство».¹⁵

Страхов привык к лестным оценкам своих критических статей коллегами и друзьями. Сравнительно недавно (26 февраля 1869 года) к нему писал Достоевский, ставя Страхова выше обожаемого критиком Аполлона Григорьева: «У вас язык и изложение несравненно лучше григорьевского. Ясность необычайная, но всегдашнее *спокойствие* придает Вашим статьям вид *отвлеченности*». И в другом письме через год: «...не будь теперь ваших критик, и ведь у нас совсем уж не останется *никого*, в целой литературе, кто бы смотрел на критику как на дело серьезное и строго необходимое». В воспоминаниях Страхов с благодарностью напишет: «Хотя я уже имел маленький успех в литературе и обратил на себя внимание М. Н. Каткова и Ап. А. Григорьева, все-таки я должен сказать, что больше всего обязан в этом отношении Федору Михайловичу, который с тех пор отличал меня, по-

¹¹ Там же. С. 106.

¹² Там же. С. 112.

¹³ Там же. С. 122.

¹⁴ Там же. С. 126.

¹⁵ Там же. С. 153.